

А.А. Иванова

**МЕМОУАРЫ И.Я. ЧУПРАКОВА
КАК ТИП АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

В статье анализируется один из видов народной рукописной мемуаристики. Создаваемый с опорой на жизненный сценарий и разнообразные прецедентные культурные тексты автобиографический нарратив деревенского жителя синтезирует две вербальные традиции (фольклорную и литературную). В структурном отношении он представляет собой свертхтекст, отличающийся тематическим и прагматическим единством. Сценарии «работы» нарратора с каждой из традиций зависят от ее тактических задач в рамках свертхтекстового единства.

Ключевые слова: рукописная традиция, автобиографический текст, мемуары, свертхтекст, конструирование, литература, фольклор.

Anna A. Ivanova

**MEMOIRS OF I.J. CHUPRAKOV
AS A TYPE OF AUTOBIOGRAPHICAL TEXT**

The article analyzes a type of folk hand-written memoirs. The autobiographical narrative villager is created based on the script of life and a variety of cultural precedent texts. It synthesized two verbal culture (folklore and literary). Structurally, it is a sverhtekst, different thematic and pragmatic unity. Scenarios “work” with each of the narrator of traditions depend on its tactical tasks within sverhtekstovogo unity.

Keywords: manuscript tradition, autobiographical text, memoirs, sverhtekst, design, literature, folklore.

В последнее десятилетие в экспедиционных коллекциях кафедры русского устного народного творчества МГУ заметно возросла доля разнообразных рукописных собраний. Большая их часть представляет собой моно- или полижанровые фольклорные коллекции. Широкое распространение и тиражирование подобных рукописей в деревенской среде — свидетельство падения статуса фольклорных текстов в современном культурном пространстве ниже того уровня, на котором они способны сохраняться и воспроизводиться устным путем. Страх их полной утраты и стремление продлить им жизнь в традиции заставляет многих краеведов и любителей старины выступать в роли фольклористов-собирателей и переписчиков (иногда и издателей). Благодаря их деятельности в наши дни заметно усиливается роль письменных форм в архивации, хранении и трансмиссии традиционных форм фольклора.

Несколько иначе обстоит дело с рукописями, относящимися к области народной мемуаристики [Дианова 2004]¹. Они не предназначены широкому кругу лиц, а потому не тиражируются, адресованы младшим поколениям семьи или виртуальному адресату, в том числе самому себе (ситуация автокоммуникации). В последнем случае сочинение приобретает характер лирического дневника, содержащего размышления и чувства по поводу прожитого, становясь способом самоописания и/или самотерапии. Включая в него фольклорные произведения, автор, как правило, не ставит целью их сохранение для потомков; фольклорная традиция рассматривается как один из ресурсов, позволяющих выразить собственное отношение к миру и прожитой жизни, поэтому использование фольклорного текста очень часто сопровождается его семантическими, поэтическими и функциональными трансформациями. О них и пойдет речь в настоящей статье, написанной на основе рукописных мемуаров Ивана Яковлевича Чупракова, жителя Лебяжского р-на Кировской обл. (в прошлом — Уржумского у. Вятской губ.).

¹ Поскольку в отечественном научном дискурсе подобные тексты стали изучаться относительно недавно, используемый терминологический тезаурус для их описания не является устоявшимся как по составу, так и в семантическом отношении: «наивная литература» (С.Ю. Неклюдов), «наивное сочинительство», «простонародная словесность» (М.Л. Лурье), «бытовая словесность» (И.С. Веселова) и др. [Наивная литература 2001].

Исходным в цепи наших рассуждений будет следующий тезис: «Процесс создания автобиографического нарратива в общих чертах можно описать как процесс когнитивного наложения системы усвоенных культурных прототипов, моделей и нарративных форм на рефлекслируемую цепочку индивидуальных жизненных случаев» [Сапогова 2007]¹. Это означает, что при создании биографического текста автор осознанно или неосознанно опирается на «предзнание» — корпус прецедентных текстов, который является общим «банком данных» для социума².

Как в каждом конкретном случае автор работает с этим «банком данных», как он «вычитывает» из имеющихся в его распоряжении прецедентных текстов нужное для конструирования собственного автобиографического нарратива, в немалой степени определяется фактами его личной биографии, поэтому считаю необходимым привести краткие сведения о жизненном пути И.Я. Чупракова.

Тетрадь с его воспоминаниями была предоставлена нашей экспедиции в 2007 г. Холкиной Еленой Георгиевной, библиотекарем села Мелянды. И.Я. Чупраков приходится братом ее деду. В прилагавом к рукописи биографическом очерке сообщается следующее: «Иван Яковлевич Чупраков родился 11 сентября 1900 г. в деревне Анфилово. Он был участником Гражданской войны. Воевал с колчаковцами, дрался на севере с англичанами, прошел от Вологды до Белого моря. Поездил по России-матушке в поисках заработка. <...> В Великую Отечественную войну в боях он не участвовал. В самом начале войны потерял глаз: получил травму, работая на молотилке. Был призван в трудовую армию, работал от дома далеко. После войны

¹ В последнее десятилетие изучение автобиографических нарративов перестало быть прерогативой гуманитариев (фольклористов, лингвистов и литературоведов). В частности, интерес к подобным устным и письменным текстам со стороны психологов обусловлен тем, что они способны выступать в качестве надежного источника для познания внутреннего мира личности и выявления индивидуальной системы ценностей [Сапогова 2003, 2005, 2006, 2007; Нуркова 2010, 2014; Шлыкова 2013 и др.].

² «...культура, приобщающая человека к своим бесконечным семиотическим ресурсам, одновременно “вырывает” из его рук индивидуальный жизненный опыт, стремясь “обобществить” его, подказать, как описать случившееся в общекультурных категориях» [Сапогова 2006].

работал в промкомбинате, в д. Приверх выполнял столярные работы, делал полозья к саням. Умел этот человек почти все: выращивал овощи, солил их на зиму, разводил пчел, занимался садоводством. <...> Самым большим увлечением было ведение записей. Он писал и про места, где побывал, и про пчелиные семьи, заметки о природе. Даже свою родословную пытался составить. Жаль, что далеко не все его записи сохранились (часть своего рукописного собрания И.Я. Чупраков передал своей сестре, внуки которой живут ныне в Нижнем Тагиле. — А.И.). <...> всего в семье Чупраковых было пятеро детей, трое умерли еще в детском возрасте. Только дочь Надежда, родившаяся в 1927 г., порадовала отца внуками, дождался Иван Яковлевич и правнуков, подержал их на руках. Много страниц в тетради посвящено жене Афимье Алексеевне. Скончалась она рано, в 1957 г. Иван Яковлевич прожил вдовцом 20 лет. <...> Умер Иван Яковлевич в 1977 г. 1 февраля <...> [АКФ 2007, т. 7].

Мемуары И.Я. Чупракова представляют собой тетрадь из 84 недатированных рукописных страниц. Тем не менее, по косвенным данным хронология работы над рукописью может быть установлена без особых затруднений. Большая ее часть посвящена описанию чувства любви к жене. И.Я. Чупраков так и не смог смириться с ее смертью в 1957 г. Это чувство стало основной мотивацией к созданию мемуаров и потому проходит рефреном по всему тексту: с. 49 — *«Стынет веточка у меня в саду, [во]круг веточки я сгорбился, хожу. Выкопаю и унесу на могилку дорогой своей, может, веточка на могилке оттает, у нее скажу я своей: “Дождидай меня, скучно мне жить на свете, дорогая, без тебя”»*; с. 50–51 — *«На гитаре нету струн — нельзя на ней играть, что в молодости прожито — не вернешь то назад. Только думаешь, как во сне видишь, как бы еще сейчас с любимой посидеть, поговорить, погулять. [19]20-е годы не видали, когда они прошли, молодость. Конец пришел жизни нашей... Я не думал, дорогая, что придется в разлуке так жить. Встречи наши давно погасли, их нам, похоже, не воротить»*; с. 61 — *«Одиночество печально. Оно на все решается. Нет прежней моей жены, не с кем мне поговорить»*; с. 81 — *«Пришла мне беда, померла дорогая моя жена. Похоронил и состарился. С испугу побелели волосы, сейчас не знаю, что делать»*. Боль, с которой Иван Яковлевич многократно сообщает о своей главной жизненной потере,

«когерентной волной» отзывается и в окружающих текстах, что позволяет предположить, что воспоминания написаны по горячим следам события. Дата смерти Афимьи Алексеевны известна (1957 г.), следовательно, рукопись начата и закончена не позднее конца 1950-х годов.

Создавались мемуары, по-видимому, в два этапа. Думать так позволяют следующие факты. Во-первых, на с. 67 после 42-го «рассказа» (так И.Я. Чупраков называл отдельные эпизоды мемуаров вне зависимости от их жанрового формата) он поставил свои инициалы и фамилию (подобным образом, как известно, часто поступают профессиональные писатели и поэты по окончании литературного текста). Во-вторых, обе части рукописи имеют множество содержательных и формульных переключек, что дает право говорить не только о зеркальной композиции автобиографического нарратива, но и о формировании в его границах авторской топики — от тавтологического дублирования, повторения ключевых слов (в приводимых ниже примерах выделены жирным кеглем) до синонимических замен:

1-я часть

«Красивы не были, молоды были». (с. 1)

*И сердце мое застучало, и я ее поцеловал и обнял. Тут не знаю, что со мной случилось. Не помню. Стою на коленках я перед ней, а [о]на валяется в траве передо мной. Ноги ее оказались оголены, и не знаю, что делать с ней. **Ноги** мои зашевелились и руки потянулись к ее голове, навалился на нее и поцеловал ее. Конец.* (с. 5)

2-я часть

«Красив хотя не был, а молод был». (с. 70)

*Звезды на небе, звезды ранние, легче вас пересчитать, чем мне страдать. Упаду тебе на шею и повисну навсегда, **обойму** тебя, дорогая, крепко **поцелую** тебя. Ты не думай, моя дорогая, не сманю я тебя. Сердце билось у обоих, не знают, чего друг дружке сказать, **ножки** их подвинулись и упали на траву. Когда их солнцем обогрело, тогда опамятавались они тут. Конец.* (с. 78)

Жизнеописание ведется от лица человека, прожившего долгую и нелегкую жизнь: «*Всё детство прошло, только видишь как во сне. Дорого оно мне*» (с. 1); «*В жизни хорошее и плохое, огорчение и ве-*

селье, и о любви, молодости юных лет и по старости одиночества не с кем поговорить, поделиться мнением. Кругом одна тоска, печали» (с. 2–3). Одинокая старость и желание разделить свое горе хотя бы с виртуальным собеседником определили жанровую особенность рукописи — *автобиографические мемуары в виде лирического дневника*, представляющего собой мозаику из отдельных воспоминаний о счастливых молодых годах, первой любви и подруге жизни. По мере развертывания текста монолог иногда сменяется диалогом. Делая умершую жену своим «собеседником», И.Я. Чупраков прибегает к апробированному в фольклорной культуре способу ведения беседы посредством текстов, представляющих разные точки зрения (о частушечном агоне см.: [Адоньева 2004]):

*6. Я люблю, как ветер дует
И черемуха цветет.
Я люблю, когда мне любимая
Навстречу попадет,
Головой мне мотнет.*

*Я фуражку снимаю, ей кланяюсь, она улыбнется, ко мне повернется, за руку меня берет, хороший разговор ведет она.
Конец. (с. 5)*

*7. Вспомни, мой ненаглядный,
Как тебя я встречала.
Для меня было счастье —
Это ты, дорогой.
Никому не поверю,
Что ты ходишь сейчас к другой.
Приходи, ненаглядный,
Буду ждать у окна.
Конец. (с. 6)*

По классификации Е.Е. Сапоговой [Сапогова 2005], в основание которой положены разные способы организации повествования о собственной жизни (констатирующий, эмоционально-метафорический, наставительный, аналитико-телеологический и символиче-

ский), мемуары И.Я. Чупракова можно квалифицировать как эмоционально-метафорическое жизнеописание. Для него характерно построение биографического текста в форме эмоционально окрашенного воспоминания о жизненных событиях, которые по прошествии времени оцениваются нарратором как значимые, поворотные, судьбоносные. Это своего рода «точки бифуркации», с которыми связываются «смысловые сгустки» жизненного сценария (неслучайно в рукописи описание этих событий пространно, детализировано). Следует также отметить, что в данном типе мемуаров одинаково важны оба слоя — *событийный* («то, что в личной жизни “случается” или “приключается”» [Винокур 2007: 24]) и *ментально-чувственный* (как эти события воспринимаются, переживаются). В первой части рукописи И.Я. Чупракова более весомо представлена событийная составляющая (в нее вынесены подробные этнографические описания праздников и ритуалов), во второй — чувственно-ментальная (разнообразные ламентации). Соответственно фольклорные и литературные жанровые, сюжетные и образные модели, к которым апеллирует И.Я. Чупраков, по пространству текста распределяются неравномерно.

В целом рукопись явно сориентирована на литературные образцы, в частности на эпистолярный жанр, на что прямо указывается в одном из «рассказов»:

*<...> Во время огорчения и скуки,
Печали сердце ноет у меня.
Беру я лист бумаги в руки
И пишу я вам в стихах письмо.
Никогда я вас не изменяю,
Ты сохрани его на память —
От сердца писано оно <...> (с. 8–9)*

Установка И.Я. Чупракова на личное авторство определила не только обильное цитирование из литературных источников, но и внешнее оформление мемуаров. Как и многие литературные произведения, они имеют четко выраженную рамку — эпиграф и эпилог, содержательно и стилистически корреспондирующие друг другу и закольцовывающие текстовое пространство:

Давным-давно прошло мое детство. Хмурен лес стоит зеленый, Много воды утекло с тех пор. Я еще живой, это все помнится с детства, как жилось в старину. Красивы не были, молоды были, по вечерам собирались. В летнее время на Троицу до света играли, веселились в молодости. Хватало с девушками по логам за кисленкой, за пестами, за сивирюхой, за кашкой. За Вятку к ночи по ягоды табуном с гармошкой. Ночи веселись, никто нам не мешал, песни горланили у огнища. Осень придет, девушки по ночам в банях лен уделявали, а мы приходили к ним в бани подурить, побаловать. **Всё детство прошло, только видишь как во сне.** Дорого оно мне. (с. 1)

Хмурен лес стоит зеленый, качает туда-сюда, его сидит на ветке соловей бурый, песню про себя поет. (и?) едет пожилой мужчина с корзиной, иду за грибам, услышал песню соловьиною, закружилась моя голова, вздумал детство свое. Когда-то здесь и мы веселились с подружками-девушками, песни гармошка стонала, был смех, веселье — прошло это — все наши молодые годы, не вернуть их никогда сейчас. **Давным-давно прошла** наша юность, **видишь во сне только.** (с. 84)

Вторая страница рукописи оформлена как титульная: на ней указаны фамилия, имя, отчество автора и название собрания — «Тетрадь пережитков». Каждый «пережиток» представляет собой законченный в смысловом отношении фрагмент — до 40-й страницы он отделяется от соседних словом «конец», а с 41-й еще и именуется «рассказом» (независимо от жанрового амплуа) и получает свой порядковый номер в рукописи:

18 рассказ

*Дождь над крышею шумит,
Кто-то в комнате грустит
И тоскует о руке —
Белой девичьей красе.
Конец;* (с. 52)

27 рассказ

*Любовь штурмом не возьмешь. Любовь хоть и не пожар,
а загорится, машиной не затушишь, она день и ночь загорается,
спокою не дает. Конец.* (с. 56)

Все вышесказанное дает основание рассматривать мемуары И.Я. Чупракова как единый в тематическом и конвенциональном отношении сверхтекст, в основе которого лежит следующая ретроспективная ассоциативная цепочка тем: старость и приближающаяся смерть → чувство одиночества, покинутости → воспоминание о веселой, бурной молодости. Ею определяется жанровая стратегия мемуаров. В рамках означенного сверхтекста каждая из тем, решая свою тактическую задачу, тяготеет к определенным жанровым формам:

старость, приближающаяся смерть (*паремии, стихи*)

чувство одиночества, покинутости
(*стихи, частушки, авторские и народные песни*)

воспоминание о веселой, бурной молодости
(*традиционная свадьба, свадебный фольклор
и календарные праздники, связанные с молодоженами*)

Тема «старости, приближающейся смерти» связана с экзистенциальным интересом пожилого человека к себе, осознанием конечности своего индивидуального существования [Сапогова 2003], стремлением подвести итог личному земному бытию и желанием обратиться к тем, кто после твоего ухода продолжит жить, со словами назидания, поучения:

33 рассказ

*Ах, тоска моя кручина, горькая судьба.
Сердце ноет от печали, жизнь мне не мила.
Не знаю, давиться или утопиться.
И еще решили пожить.
Неужели это будет,
Что решил я над собой натворить.
Бояться нечего мне смерти,
Она и так ко мне близка,
Не сегодня, так завтра,
Она все время возле бок сидит у меня.*

Да, ребятушки, старость — не радость, никто тебя не повеселит, с тобой не поговорит. Конец. (с. 61)

Оптимальными жанрами для выполнения этой задачи оказываются паремии (нормативные тексты, тексты-резюме) и стихи в форме ламентаций.

Тема «одинокости» реализуется И.Я. Чупраковым в формате литературных и фольклорных жанров, для которых типичны любовные коллизии и жалобы (стихи, частушка, авторская и народная песня любовного содержания). При общей установке на «минимализацию» изложения И.Я. Чупраков считает достаточным процитировать фрагмент прецедентного текста, возбудив в памяти волну ассоциаций и контекстов, с ним связанных. В результате в мемуарах регулярно попадают «рассказы», представляющие собой «осколки» литературных и фольклорных текстов или их контаминации, ср.:

25 рассказ

*Эх, горе горькое по свету шлялося
И незаметно на нас набрело.
Эх, моя любимая
Мое сердце вынула,
Мое сердце вынула,
Скажи, куда закинула. Конец.* (с. 54–55)

В приведенном «рассказе» соединены две строчки из начальной строфы стихотворения Н.А. Некрасова «Похороны»¹ и частушка. На переделку как излюбленный прием работы И.Я. Чупракова с прецедентными текстами в приватной беседе указала и его внучатая племянница Е.Г. Холкина: «...у него про любовь вся почти тетрадка. Там перемежéвываются его чувства, и тут же песни народные всякие в тетрадку пишет и частушки шпарит по одной, по две и снова отключился, снова на другую тему, что его заинтересова-

¹ Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

ло... Он сам импровизировал, что-то переделывал... Вот этим он и интересен, он очень самобытен!» [АКФ 2007, т. 7].

Тема «молодость» раскрывается И.Я. Чупраковым путем описания бытовых и ритуальных практик, связанных с молодежью и молодоженами (гуляния на улицах с пением песен, свадьба, Масленица, говенье, Пасха). Данные фрагменты мемуаров разительно отличаются от тех, что связаны с двумя темами, охарактеризованными выше, поскольку внимание автора переносится с чувственно-ментального уровня описания прошлого на событийный. В этой части мемуаров И.Я. Чупраков преимущественно позиционирует себя как краевед-этнограф, и личный жизненный опыт подается им в отстраненной форме (от 3 л.). В результате описание традиционной свадьбы заняло 24 страницы рукописи и включило ряд обрядовых текстов (фрагменты двух свадебных лирических песен, одной величальной и причитания, шесть полноценных свадебных приговоров): «Сидят за столом ребята, дружка откупает стол, достает ребятам денег. Ребята из-за стола выходят, князь за стол входит и поежане. Из-за стола жених выходит по женской стороне к невесте. Девки держат за косу, одна у невесты. Дружка опять выкупает косу и невесту, жених берет невесту за руку и ведет за собой за стол, и садятся все гости. Девки песню поют, когда невесту повел жених:

*Повел нашу подруженьку,
Увели нашу белую лебедушку,
Не видать ей больше,
Как она у мамы, папеньки родима жила,
Не видать ей больше девичьего житья...*

Дружка встает на ноги и поежане, зачинает дружить: “Господи Иисусе Христе Сыне Боже, помилуй нас!” Три раза повторяет. Батюшка, матушка и сватовья угощают. “Дайте нам стольника князя и весь княжеский поезд”. Подходит стольник и зачинает угощать, подает вина всем. А на столе всё было собрано еще до гостей. Дружка берет у невесты в доме со стола челпан и свой, на столе вырезает треугольники и соли кладет в хлеб, мешает соль с солью, хлеб с хлебом и завязывает в скатерку».

Характер работы И.Я. Чупракова с фольклорными текстами при описании ритуальных практик принципиально иной: это не авторская переделка, а точное цитирование (единственное изменение, которое он себе позволяет в ряде случаев, — редукция текста).

Точностью и детализированностью отличаются описания и других обрядовых и бытовых практик, что делает мемуары И.Я. Чупракова интересными не только для фольклористов, но и этнографов, поскольку в них зафиксирована ситуация периода 20–30-х годов XX в., когда сельский быт и культура еще сохранялись в формах, характерных для дореволюционной деревни: «Раньше хлеба убирали вручную. Ржаные и яровые поля выжинали вручную серпом. Жали с большим старанием, не ленились, только спина немного уставала и, бывало, руку в кисти от жита нахватываешь — закрипит в кисти скрипуном. В горячей воде погреешь после работы, и опять отойдет. Жали после дождя в горсти; подсохнет, вязали в снопы, ставили в бабки и сушили, а потом возили на гумно и добывали из снопов зерно. Снопы хвостали о козлину: из них вылетало зерно. После этого сеяли озимые. Работы много в то время было: жали яровое и сеяли рожь. Жены наши с детьми жали яровое, а мужья пахали под озимые и сеяли рожь. Работа кругом кипела, а в воскресенье отдохнем. Времени на все хватало. С куском в поле набегали бегом, как сейчас бегут бегом во рту с куском. Конец» (с. 10); «В детстве жил я плохо: одёжки у меня наряжаться не было, на ногах носили лапти, штаны навывпуск синие, пиджак холицевый на кудели стяженной, на голове и ушанка, в запасе седые подшитые сапоги и немудрый дубленый полушубок, шаровары матерчатые, рубашка ситцева. Красив хотя не был, а молод был и к тому имел немудрую гармошку. Неважно, но играл. Были летом и зимой свадьбы и рукобитья у девочек, ходил на пир за игрока, не смотря, что нарядился плохо, никто не смеялся надо мной и никто другое не надел на меня. Конец» (с. 70); «Раньше женились не так, как сейчас. Отец спрашивает с матерью своего сына: “Будешь жениться, сынок? Мы тебя думаем женить. Время уже жениться, сынок”. Он дает согласие: “Буду, давай!” — “Сынок, подготавлийся, чисти сбрую, поедем на базар присматривать невесту”. Базары были в Лебяжьем в Николу зимнего, на Крещение. Народу на базарах было дыми [?]: женихов и невест и всякого роду народа. На базарах было всего много: всякой сбруи, сапогов валяных,

кожаных, возков, саней черных — всего было вдоволь. Некоторые женихи покупают возки, сбрую для женитьбы с отцами и приглядываются к девочкам: куда наметнуться сватом. Некоторые с невестами по базару на пару гуляют — женихи с невестами. Жених угощает ее конфетами, пряниками. Водку наливали, чтобы напились. В Ветошкине был базар. В Рождество тоже народу бывало много, можно всего-то купить — были бы деньги» (с. 12–13).

Вспоминая прошлое с позиции настоящего, И.Я. Чупраков рефреном обыгрывает по текстовому пространству мемуаров оппозицию «теперь~раньше», которая получает у него различные образные воплощения (смерть~жизнь, старость~молодость, увядание~расцвет, др.): «Раньше жили мы не эдак, как живут сейчас. В бане мылись мы без мыла, с кислым молоком горшок возле бок. Мыла купить не на что, вот и отвечало молоко» (с. 3); «Раньше женились не так, как сейчас» (с. 12).

В заключение отмечу, что рукопись И.Я. Чупракова, относящаяся к области наивной мемуаристики, предоставляет исследователю возможность судить о том, что процесс трансформации фольклорного текста в литературный может развиваться по разным сценариям и зависит от конкретных задач, решаемых автором.

Источник

АКФ (Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова). 2007. Т. 7.

Библиография

Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПбГУ; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.

Винокур Г.О. Биография и культура. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛКИ, 2007. 87 с.

Дианова Т.Б. Рукописные коллекции фольклорных текстов как составляющая фольклорной традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики: сб. ст. / Отв. ред. А.А. Иванова. М.: Изд-во МГУ, 2004. Вып. 3. С. 94–105.

«Наивная литература»: исследования и тексты / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. № 129. 246 с.

Нуркова В.В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 74–92.

Нуркова В.В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 4. С. 22–30.

Сапогова Е.Е. Жизнь и судьба: построение индивидуальной мифологии, самопроектирование и субкультура личности // Известия ТулГУ. Сер. «Психология». Тула, 2003. Вып. 3. С. 195–214.

Сапогова Е.Е. Автобиографический меморат в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63–74 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyjournals.ru/kip/2005/n2/Sapogova_full.shtml.

Сапогова Е.Е. Событие в структуре биографического текста // Культурно-психологическая психология. 2006. № 1. С. 60–64 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psyjournals.ru/kip/2005/n2/Sapogova_full.shtml.

Сапогова Е.Е. Социокультурные стереотипы и смысловые константы автобиографических текстов // Тексты в образовательном пространстве современной высшей школы / Авт. колл.: А.К. Юров, В.М. Розин, П.Н. Виноградов и др. Таганрог: Изд-во Таг. гос. пед. ин-та, 2007. Разд. III, гл. 3. С. 119–158 [Электронный ресурс]. Режим доступа: esapogova.narod.ru/texts/tag.doc.

Шлыкова Ю.Б. Автобиографический текст как смысловое отражение бытия личности // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 34–42.

References

Adon'eva S.B. Pragmatika fol'klora. St.-Petersburg: Izd-vo SPbGU; ZAO TID "Amfora", 2004. 312 p.

Vinokur G.O. Biografiia i kul'tura. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: LKI, 2007. 87 p.

Dianova T.B. Rukopisnye kollektzii fol'klornykh tekstov kak sostavliaiushchaia fol'klornoi traditsii. Aktual'nye problemy polevoi fol'kloristiki: sb. st. Ed. A.A. Ivanova. Moscow: Izd-vo MGU, 2004. V. 3. Pp. 94–105.

Nekliudov S.Iu. (ed.). "Naivnaia literature": issledovaniia i teksty. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2001. no. 129. 246 p.

Nurkova V.V. Rasskazyvat' o sebe, rasskazyvat' sebja, rasskazyvat' soboi: avtobiograficheskii narrativ s pozitsii kul'turno-deiatel'nostnogo podkhoda. Razvitie lichnosti. 2010. no. 1. Pp. 74–92.

Nurkova V.V. Samoopredeliaiushchie narrativy v razvitii lichnosti. Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie. 2014. Vol. 19, no. 4. Pp. 22–30.

Sapogova E.E. Zhizn' i sud'ba: postroenie individual'noi mifologii, samo-proektirovanie i subkul'tura lichnosti. Izvestiia TulGU. Ser. "Psikhologiiia". Tula, 2003. V. 3. Pp. 195–214.

Sapogova E.E. Avtobiograficheskii memorat v kontekste kul'turno-istoricheskoi psikhologii. Kul'turno-istoricheskaja psikhologiiia. 2005. no. 2. Pp. 63–74.

Sapogova E.E. Sobytie v strukture biograficheskogo teksta. Kul'turno-psikhologicheskaja psikhologija. 2006. no. 1. Pp. 60–64.

Sapogova E.E. Sotsiokul'turnye stereotipy i smyslovyje konstanty avtobiograficheskikh tekstov. Teksty v obrazovatel'nom prostranstve sovremennoi vysshei shkoly. Authors: A.K. Iurov, V.M. Rozin, P.N. Vinogradov i dr. Taganrog: Izd-vo Tag. gos. ped. in-ta, 2007. Razd. III, gl. 3. Pp. 119–158

Shlykova Ju.B. Avtobiograficheskii tekst kak smyslovoe otrazhenie bytija lichnosti. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie. 2013. no. 3. Pp. 34–42.